

16+

Павел Богданович
зачем мы мучаем друг друга

Павел Андреевич Богданович

Зачем мы мучаем друг друга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51139583

SelfPub; 2020

Аннотация

Мая первая работа. Возможно, и не особо удачная. Есть желание писать, но и понимание имеется, что еще многому необходимо научиться.

Представьте себе человека, у которого все есть. Речь не идет о каких-то финансовых вопросах, а речь идет о жизни человека. Он счастливый и успешный и во всем ему везет. Но он грешен и даже не подозревает об этом, хотя, может, подозревает, но совсем чуть-чуть. Он современный человек, живущий среди нас и возможно, является чьим-то соседом и другом. Он чаще уверен, что Бога нет, нежели, что Бог есть, а хотя чаще и не думает о Нем.

Уставая от разврата и пьянства, от бессмысленных споров, он как будто и в шутку просит Бога наставить его на путь истинный, но не слышит ответа. Приходит час и Бог ему отвечает. Бог заставляет при этом ответить за грехи совершенные им и покаяться, тем самым делает человеку великую милость, устилая ему дорогу в рай. Но милость Бога в глазах человека бывает очень страшна. И хоть милость Бога является самой праведной и правильной, но все же не сразу понимаешь, что только чрез слезы и страдания, порой можно стать по настоящему чистым человеком и даже святым. Ведь еще Богом было сказано нам людям: стремитесь к святости, ибо Я свят.

Вот и Жан Никольский, умный и красивый, молодой атлетичный, коротко стриженный шатен с суровым серым взглядом, солидно одетый на шикарной тачке производил неизгладимое впечатление на женщин. Утром большая голова и здравые мысли. Днем суета рабочего дня, а вечером веселые посиделки в ресторанах с длинноногими девицами и друзья-

ми.

Ему всего хватало в этой жизни. Престижная работа, приносила ему отличную прибыль такую, что к двадцати шести годам он имел солидный автомобиль и шикарную квартиру в центре города. Любовь и уважение, деньги, всего этого хватало ему с избытком. Не хватало лишь одного – какого-то душевного равновесия. По сути чего там, ведь он жил честно. Платил налоги и никого не обижал. Но в душе, тем не менее, чувствовался какой-то неугасимый зов, призыв покаяться и одуматься. Ну, если вспомнить были грешки, но разве есть на свете безгрешные люди. Конечно, нет. Это успокаивало. Его мораль была по-настоящему правильной, современной, придуманной где-то в Голливуде, но иногда складывалось впечатление, что эта мораль анти библейская, словно написанная сатаной, дабы обманом очернить людей в глазах Господа. Вокруг было столько любви, но эта любовь была слепой, очерненной страстями и грехами, лицемерием всего общества в целом.

Глава 1

Ярко светило осеннее солнце. Оно оставалось прежним, но уже было холодным словно разлюбившая жениха унылая невеста. По небу бежали серые тучи, мчась вдогонку за ушедшим летом. Листья на деревьях пожухли и пожелтели, а звери и птицы провожали последние дни уходящего тепла.

С подъезда дома номер пять, одной из центральных улиц города, с деловым видом выходил Жан. Уверенной походкой он на ходу отворил дверные замки своего черного Лексуса, и через какое-то время, уже мчался по дорогам шумного города. Он ехал к Наде. К дочери босса. Не могу сказать, что она была его невестой или девушкой, просто в современное время большинство любовных союзов состояло именно из таких вот пар. Жан не любил ее, она же, всерьез намеревалась стать его женою.

Не высокая девушка Надя с распущенными черными длинными волосами. Синие глаза и маленькая грудь. Маленькая кроха на высоких шпильках в красном платье с небольшим вырезом на груди. Она улыбалась, глядя на этого статного и молодого человека. В ее глазах ярко блестело светлое чувство к нему, словно блеск заката на воде абсолютно безветренного дня отражалась любовь в ее глазах. А когда он брал ее за руку, она опять улыбалась, как Елена Троянская, наполняя теплотой этот безумный мир. Наполняя мир светом искренности и светом добра.

Автомобиль Жана на высокой скорости въехал во двор одного красивого коттеджа на окраине города. Двухэтажный коттедж, напоминал дом из мексиканских сериалов, газон, много зелени, хотя теперь уже желтизны. Большой просторный двор, был окружен высоким кирпичным забором, не хватало только злющих собак, и сторожа у ворот.

Во дворе стоял Ваня, типичный бычара, который в былые

времена удил лоха на гоп-стоп, теперь же имел дела по круче. Лысый, с нахальной и ехидной улыбкой. Он глядел на Надю, пожирая ее глазами, и подмигивал Жану, указывая на фигуру девушки. Жан лишь горделиво улыбался.

В паспорте татарина Вани, имя читалось не иначе как Ибук, что служило поводом для частых насмешек над ним. Но это для Ивана было ерундой, он легко воспринимал подобного рода насмешки. Да и кто шутил та, только лучшие друзья, а так, посторонний человек попробуй, что скажи, и это слово могло стать последним подвигом того человека.

Все вместе, они вошли в уютный коттедж Вани, где играла тихая музыка, и чувствовался запах свежеприготовленной пищи – видимо на огне жарилось что-то. В гостиной, куда и вошли они, пощелкивая, горел камин. Стены были увешены охотничьими трофеями и оружием, висело даже чучело слона, то бишь его голова. Чучело льва и антилопы навечно замерли рядом, будто подписав пожизненное перемирие. На полу, вместо ковра, лежала шкура убитой зебры. Иван говорил, что все это настоящее, но врал, все трофеи и шкура на полу и оружие, были искусной подделкой, не дешевой подделкой.

На огромном красном диване сидел Илья – друг Жана и Ивана. Он смущенно улыбнулся, увидев Надю, и с таким же смущением опустил глаза.

Илья не высокого роста, худощавый парень с зелеными глазами, как и Ваня в свое время увлекался уличной роман-

тикой. Теперь же женился и устроился на работу, остепенился, стал отличным семьянином и отцом маленькой дочери Светы. Он редко навещал Ивана, потому что жена ему запрещала видеться с ним, так как считала, что Иван дурно влияет на него. Потому-то он приходил к нему тайно и очень редко, а Ванятка посмеивался над ним, называя подкаблучником.

Иван нервно поглядывал на часы, – где они, – повторял он каждый раз, после короткого взгляда на часики. Он ждал девушку, или двух, но она опаздывала.

– Да забей ты, – Воскликнул Жан, – пойдем лучше за стол.

– Ла, – ответил тот. – Пошла она!

Друзья преступили непосредственно к ужину. Водка и вино, коньяк и пиво. Ужин был как банкет в честь большого праздника, хотя поводов вовсе и не было. Так, собрались друзья на ужин и все.

Спустя час, Надя наблюдала лица пьяных товарищей распивающих все что горит и поющих Розенбаума и Высоцкого. Надежда все больше мрачнела. Ее парень уже еле язык волочил, а Ваня все с большим энтузиазмом пожирал ее глазами. Ей вначале было просто неловко, а теперь даже страшно как-то становилась. Она как представила себе картину, что все уснут пьяные, а Иван начнет к ней преставать и попытается сделать то, что она делала только с Жаном, ее аж передернуло. – И Жан ведь не проснется, – думала она. Она знала, каков Жан мастак поспать, а уж тем более пьяным – пушкой не разбудишь! Вот и грустила девушка по этому поводу.

Вечер близился к финалу. Иван, приблизив свои губы к уху Жана, спросил у него, – у тебя как, с ней все серьезно?

– Да я бы не сказал, – ответил Жан волочившимся языком.

– Тогда после тебя, если ты конечно не против, позволь взобраться на покоренную тобой вершину?

Жан расхохотался. – Дерзай брателло, – ответил он, – только имей ввиду, я еще тот альпинист, и не каждый сумеет повторить мой подвиг.

Ваня махнул рукой, – ерунда, – сказал он после долгой паузы, – нет таких вершин, которых бы не покорил я.

Илья уже спал в соседней комнате, а Надя, сидя рядом с Жаном с ужасом слушала то, как Жан говорит о ней Ване. Ни чего лестного она не услышала, поняла лишь одно – она Жану нужна как пятое колесо телеге. Он так легко подарил ее в этот вечер другу, что она даже бояться перестала, думала лишь о том – почему? Сразу вспомнился Женя. Обходительный и нежный, чуткий и порядочный, готовый ради нее на все. А она еще часто сравнивала его с Жаном. Даже именно у них похожие, но Жан в ее устах звучало как-то солиднее, да и покрасивее Евгения Жан. В этот момент ей жутко захотелось позвонить Жене, чтобы он приехал и забрал ее, но что будет, если Женя приедет к ней? Очень не хотелось подставлять парня, ведь тот, как и эти за словом в карман не полезет, а за нее перегрызет горло любому.

Надежда малость напряглась, когда Жан предложил ей уединиться. Она посмотрела на лицо Ивана и увидела в нем

ворона, стервятника ожидающего своей очереди, а себя почувствовала добычей, вроде тех, что висели на стене, которую сейчас растерзают на куски и повесят рядом с антилопой на память в качестве трофея. – Блин! – не вольно, вырвалось из ее уст. – Жан подожди!

– Да чего ты, – смешно пританцовывая, ответил тот. – Чего ты ломаешься как девица на выданье. В первый раз что ли?

Надя оттолкнула его.

Женя Симонов не любил скучать. Он любил рыбалку и футбол, пиво и женщин. Жизнь, конечно была не идеальна, но так или иначе все шло совсем не плохо. Работа механика в автосервисе доставляла ему удовольствие. Вообще во всем, чем бы ни промышлял Женя, ему везло. Он подходил к работе с желанием и энтузиазмом. Все ему удавалось, и любовь и финансовая сторона этой жизни. Но вот однажды он встретил девицу красную, и в этот момент понял, что фарту конец. Эта девушка не просто отвергала его, а она просто не хотела его знать. И чем больше она его гнала от себя, тем сильнее его тянула к ней. Он был готов стать на колени. Всю жизнь прожить в подкаблучниках и спать на коврике у ее кровати, лишь бы она была с ним. И чем сильнее он желал ее, тем для нее становился ненавистнее. Но однажды среди ночи, дрожащим срывающимся голосом она позвала его, в трубке телефона слова было не разобрать, но адрес он все же услышал. Он кинулся к своей машине, старенькой вишневой

девятке и, не раздумывая, рванул к ней.

Оказавшись у ворот большого красивого коттеджа, Женя долго стучал в запертые ворота, а потом легко перемахнул через трехметровый забор. Уверенным быстрым шагом пошел к входной двери, которая оказалась не запертой, и вошел в дом.

Войдя в гостиную, Женя увидел на диване спящего Жана, и отчаянно борющегося Ивана с Надей. Особо не прикладывая усилий, Женя отбросил назад Ваню, тот упав, еще долго выписывал на полу малопонятные пируэты, пытаясь встать.

Надежда быстро собрала свои вещи, и они ушли, под грозное ругательство Ибука.

Жан все так же спал. Комарик, летающий у его носа и уха, тревожил его, от чего Жан сильным хлопком бил себя по лицу, но все время промахивался. Он не заметил то, как ушла Надя. Как она боролась с Ваней, и естественно, на утро он не помнил и Женю.

Глава 2

Улыбаясь осеннему солнышку, Вика в хорошем настроении ехала по городу в своем автомобиле. Красный "Вольксваген Гольф" не был пределом ее мечтаний, но она все же любила этот автомобиль. Маленький, комфортный и компактный. Все мечты, казалось бы, сбылись. Все чего она требовала от жизни, у нее теперь есть. Семья, положение в обще-

стве, деньги. Еще несколько лет назад она об этом и не могла помыслить, а теперь, жизнь удалась. Омрачало лишь одно – любви в жизни обольстительной Виктории теперь не стало. А ведь была! Порой как вспомнит, слезы наворачиваются. Муж вроде и родной и как бы любимый, но как не крути не люб он ей. Ах, как она любила Жана! Еще в школе, тогда ей все подружки завидовали, но жизненные приоритеты, расставленные, словно ловушки повсюду, не позволили ей быть с ним.

Тогда, еще в далеком прошлом, когда она была наивной и глупой семиклассницей, в ее жизнь бесцеремонно вторгся Жан, старшеклассник из девятого "Б", за которым все девочки бегали. И пошла у них любовь, первая, высокая, до самых небес! Тогда казалось, что весь мир у ног, что все звезды горят лишь для них, и таких чувств как у них, ни кто, ни когда не испытывал будто. О как это было давно.

В седьмом классе, Вика была уже довольно созревшей девочкой. Высокая, красивая шатенка с карими глазами, длинные волосы, длинные ноги, обворожительная и милая улыбка. Обычно, про таких как она говорят – посмотри какая деваха вымахала, а еще совсем недавно пешком под стол ходила. Ого!

Вот и Жан заприметил ее. Влюбился парень по уши, но как сказать ей о своих чувствах понятия не имел. Ходил вокруг да около, конфеты дарил, и как бы оставался равнодушным. Но в один прекрасный момент, Вика все поняла сама

и проявила инициативу. В школе на перемене, она спросила его: Жан, а можно я тебя поцелую? Все та ожидали дружеского поцелуя в щечку, а когда Вика впиалась в его губы, не смущаясь проходящего мимо трудовика, послышались даже аплодисменты. С тех самых пор, в школе не было красивее пары, а главное счастливее их.

Но время неумолимо бежало вперед. Пришло время, когда Жан окончив школу, поступил в институт, а вскоре и Вика, окончив родимую школу, поступила в ВУЗ, и все это время они были вместе. Ни кто и помыслить не мог, что после стольких лет, им предстоит горькое расставание.

И вот, когда они стали уже совсем взрослыми людьми, Вика осознала то, что Жан по сей день остается наивным мальчишкой каким был в школе. Она говорила ему, что пора взрослеть, а приколы пора оставить позади. – Какой ты представляешь нашу будущую жизнь вместе? – Спрашивала она его. Но что он мог ей ответить? Он отшучивался, и говорил: все будет хо-ро-шо!!! Она верила, но в какой-то момент поняла, что не хочет жить жизнью среднестатистического человека. Годами копить на машину, десятилетиями выплачивать ипотеку за жалкую однокомнатную квартиру, и в конечном итоге остаться у разбитого корыта. И вскоре они расстались. Вика нашла себе молодого человека, которого всем обеспечили его родители, ну и он не ударил лицом в грязь, а потащил тот паровоз называемый бизнесам на своих плечах довольно легко и уверенно.

Жан долго не мог смириться с этим. Расставание он пережил болезненно, но вскоре взяв себя в руки, назло Виктории, за каких-то несколько лет, добился всего, о чем она мечтала. Вика же теперь возможно и сожалела о том, что они расстались, но в глубине души понимала, что именно побудило Жана взобраться на ту вершину, кой грезила она. Не будь в жизни Жана этого болезненного расставания, вряд ли бы он уразумел и взялся бы за ум. И хоть Вика и знала все это, тянуть к Жану ее меньше не стало. Она так же любила его, а он бедолага любил ее. И теперь, с какой бы он девушкой не был рядом, он был холоден как лед, а Вика, даже в ложе с супругом представляла своего ненаглядного, французика в каком-то там колене – Жана.

– Привет дорогая, – поприветствовал Игорь свою благоверную, сидя на кухне за чашечкой кофе.

– Привет, – равнодушно ответила Вика, снимая сапоги. – Ты уже пришел? Рано ты сегодня.

– Могу же я позволить себе выходной, дабы побыть рядом с любимой.

Вика не ответила. Она смотрела на него с каким-то разочарованием, словно сравнивая его с Жаном. Высокий и худой, скуластый, с посаженными глубоко в череп глазами, он сильно отличался от писаного красавца Жана. Да к тому же Жан теперь имел, как ей казалось, ничуть не меньше достатка, нежели Игорь. – Ох, какая я глупая! – Звучало где-то в

глубине сердца. Она бы с удовольствием сейчас просто убежала бы к своему Жану, но зная то, что тот и слушать ее не захочет, очень печалилась.

– Да отойди ты! – Вспылила она, когда Игорь попытался чмокнуть ее в щечку.

Игорь не довольно отошел. – Да что с тобой?! – пробурчал он отойдя.

– Не твое дело, – вскипела она, – и вообще, не беси меня, прошу!

– Хорошо, хорошо, – уже привыкший к подобным словам ответил он. – Опять обезьяны на дорогах? – спросил Игорь.

– Не опят, а снова, – ответила Вика, не понижая тона.

Игорь молчал. И слепой мог бы заметить его любовь к своей благоверной. Человек, имеющий все, будущее, перспективы, не прогибающийся не под кого, прогибался под гнетом своей не любящей супруги. Видел ли он ее не любовь? Видел. С самого начала знал, но и по сей день был уверен, что любовь, она еще придет.

Глава 3

Утром, после бессонной и тревожной ночи, проведенной в размышлении об отношениях с Викторией, Игорь поехал на работу. Нужно было заехать к дяде, брату его отца, забрать кое-какие бумаги, которые дядя, Антон Сергеевич, держал дома, используя их как предлог, только бы Игорь заглянул к ним,

потому чтобы Игорь не забывал о них в суеде рабочих будней.

Антон Сергеевич занимался рекламой. С крушением коммунизма оставил завод и скромную должность инженера, и нашел для себя более прибыльное дело – реклама. Постепенно вовлек и отца Игоря в дело, Михаил Сергеича, и дело пошло. Не все было гладко, но упорство и труд, как говорится, все перетрут. Все и перетерло.

Отца у Игоря не стало несколько лет назад, инфаркт, и после инфаркта отца, Игорь занял его место. Он отлично справлялся, и стал локомотивом в их деле. Вскоре открыл свое малое предприятие, ликероводочный комбинат, отделился, ну и тут, славный малый преуспел. Дядя им очень гордился. Сына у дяди не было, лишь дочь Надя, о которой было упомянуто выше.

Антон Сергеевич очень любил Игоря и возлагал на него очень большие надежды, считал его единственным наследником, продолжателем их рода.

Придя в дом Антона Сергеевича, Игорь поздоровался с ним и с его женой, Инной Егоровной, и направился к Наде, дабы огласить ей свой пламенный салют. – Она еще спит, – оповестила его Инна Егоровна, Игорь же не слушая ее, прошел без стука в комнату Нади.

Комната Надежды была наполнена полумраком. Розовые обои и шторы, наполняли ее женственностью и уютом. Большая кровать, тоже розовая, с крышей, словно султанское ло-

же, обнесенное розовой вуалью со всех сторон, как домик, куда приятно было прятаться. Вообще Наде видимо чрезмерно сильно нравился розовый цвет. Повсюду было много кукол и плюшевых зверюшек. Напротив тахты висело зеркало, под ним столик, на котором не было места даже для комарика, так как он был уставлен различными женскими штучками. Комната Нади, была единственным уютным местом в этом доме. Повсюду вне этой комнаты, царил какой-то холод, что аж хотелось крикнуть – ау, – с дрожью, где-то в глубине сердца. Дом отрешенно стоял, среди приятных взору домиков, не вписываясь в общую картину.

В комнате тихо, еле слышно, играла музыка. Надя не спала, она обнимала большого плюшевого розового мишку, и плакала. Игорь не сразу заметил ее слезы, лишь подойдя очень близко, он спросил: что случилось милая?

Надя мотнула головой, – Ничего, – всхлипывая, ответила она.

Рядом с подушкой, в прозрачной пластиковой рамочке, Игорь увидел фото Жана, улыбающегося на фоне природы. – Он?! – присев рядом с ней на кровать, спросил Игорь. – Ты скажи, он обидел тебя? Что он сделал? – Довольно грозно повторил он дважды последние фразы.

Надя рассказала Игорю о прошедшем вечере.

– Сволочь! – Сжимая кулаки, прошипел Игорь. В этот момент Игорь больше думал о себе, нежели о Наде, ведь он видел плачущую Вику над фотографией Жана, и теперь обида

выросла вдвойне. – Чем же он так нравится вам всем, что у него, медом помазано?

– Да он хороший, – вступилась Надя за Жана, – просто в этом он весь. Не умеет щадить чужие чувства. Не научился еще.

– И не научиться, – вскипел Игорь. – Вот именно что в этом он весь, ему не важны другие, главное он сам. Он даже не осознавал, что он мог натворить. Человек, наполненный эгоизмом и самодурством, а надо относиться с добротой и любовью к тем, кто относиться к тебе по-доброму. Необходимо ценить то, что имеешь, ибо этого может не стать в любой момент. Он ни когда этого не поймет, поверь мне, – утишающим голосом, завершил Игорь свои слова. – Ты дай мне его номер телефона, – попросил Игорь.

– Не дам, – вскочила Надя. – Что ты хочешь ему сделать? – С переживанием за здоровье Жана, поинтересовалась девушка.

– Я просто с ним поговорю, – ответил тот, – поверь мне милая, просто поговорю.

– Да он у папы работает, – пояснила она. – С тех пор как я сказала папе, что мы с Жаном встречаемся, он всерьез решил, что у нас все серьезно. Продвигает его по службе, повысил ему зарплату. Сделал его своей правой рукой. Да я и сама была уверена, что у нас все серьезно, до вчерашнего вечера. Может он просто был пьян и не понимал, о чем говорил а? – Вопрошающе смотрела она на Игоря, утирая слезы,

ожидая фразы типа, – да, да, он просто был пьян.

– Не знаю, не знаю милая, не пара он тебе, – констатировал Игорь.

Надя вновь расплакалась.

– Да ты не переживай так, сколько еще будет у тебя этих Жанов, целая туча...

– А мне не нужна туча, мне нужен он один, – послышался слезливый голос Надежды где-то в подушке.

Игорь ни чего не ответил.

– Ты только смотри папе ни чего не говори, – с волнением произнесла Надя. – Я и сама вчера думала в гневе, что все выложу отцу, но подумав, поняла, что даже не глупые люди, не редко совершают глупые поступки, а хорошие часто совершают плохие поступки, и у совершенных людей, за спиной имеются не совершенные дела.

– Глупенькая, ты еще считаешь его совершенным, – ответил Игорь. – Погубит он тебя милая, а я этого совсем не хочу.

– Все ровно, отцу ни слова!

Игорь тяжело вздохнул.

Выйдя из комнаты Нади, Игорь еще большей злобой проникся к Жану. – Что он из себя возомнил, – повторял он в сердцах. – Сволочь, – еле сдерживал он подобные фразы в себе. – Ну, я тебе еще сука покажу, – прошипел он еле слышно.

Игорь более всего радел за себя. Его съедала обида, потому, что Вика вздыхала день и ночь по Жану, а тут еще и лю-

бимая двоюродная сестренка, не унимаясь, заливалась слезами. Долго раздумывая, Игорь все же не смог сдержать данное Наде слово, и как на духу, все рассказал Антону Сергеевичу, приукрасив рассказ, малолесными для Жана подробностями. Он оправдывал себя тем, что совершает добрый поступок, но корысть, его добродетель приравнивала к чему-то низкому.

Антон Сергеевич рассвирепел от услышанного. Такой же высокий, как и Игорь, но в отличие от Игоря, он был слегка полноват. Похожее на Игоря лицо, неимоверно большие руки и суровый взгляд. Он метался по дому не находя себе место и сверкал глазами. Будь рядом с ним в этот момент Жан, ему бы вряд ли кто позавидовал.

Инна Егоровна, полная совершенно без шеи женщина, не понимала, что произошло с ее мужем, так как он, щадя ее чувства, ни чего не сказал ей.

Раздался звонок в дверь. На пороге с цветами появился Евгений, – а Надя дома? – Робко поинтересовался он.

– Надя!!! – Крикнул Антон Сергеевич, не оборачиваясь, так что получилось, кричал он прямо в лицо взволнованного Евгения.

Надя не спеша вышла из своей комнаты. – Привет Жень, – сухо произнесла она, и предложила выйти на улицу.

– Как дела, – сидя на крыльце спиной к Наде, так что Надя стояла за его спиной у двери, спросил он.

– Да так, ты и сам все прекрасно видишь.

– Как тебе цветы? – спросил он, после долгой паузы.

– Цветы красивые, но напрасно ты их купил. Спасибо тебе конечно за вчерашнее, но знаешь, мне кажется, что я все же люблю Жана, и думаю, он все поймет и покается. Ты мне всегда останешься лучшим другом, и от этого я с тобой честна. Прости мне, но большего я тебе предложить не могу.

Женя, ничего не ответив, молча, встал и ушел, оставив влюбленную не в него девушку одну.

Глава 4

Наутро Жан проснулся с больной головой. – А что вчера было? – Толкнув локтем в бок, спящего одетым, как и Жан, рядом с ним Ивана, спросил.

– Да в норме все было, чего ты потеешь, – еле слышно промямлил Иван.

Жан побежал на работу.

Придя на работу, Жан направился в свой кабинет, по узкому коридору. По пути его встретил Антон Сергеевич, и ни чего не говоря, влепил ему такой кулак, что у самого чуть рука не сломалась. Жан упал, считая звездочки над головой. В голове раздался гул, шум, треск, а под глазом, словно переспелый персик, наливался огромный фингал. – В чем дело, – гневно выдавил из себя Жан. Будь на месте Сергеевича кто другой, Жан бы не остался в долгу, а тут, он недоумевал, что и делать.

– Чтобы духу твоего здесь через пять минут не было!!! –
Вопил голосом бешенного Антон Сергеевич. – И чтобы к до-
чери моей не приближался более, иначе берегись, – проши-
пел он яростно.

Жан все понял. – Видимо Иван вчера позабавился, –
мелькнула мысль в его голове. – Тьфу ты! И надо же было та-
кому случиться, – с досадой бросил он. Но делать было нече-
го, потирая распухший глаз, он пошел, собрал свои вещи и
покинул дружный коллектив Сергеича, который уже успел
полюбить.

Выходя из красивого здания, он набрал Наде.

– Ало, – слышался в телефоне грустный голос Надежды.

– Привет красивая, ты извини меня за вчерашнее, если
честно, я был жутко пьян.

– Да я знаю, – более радостно ответила девушка.

– А что было вчера? – Поинтересовался Жан.

– Да твой друг, накинулся вчера на меня, пришлось рети-
роваться и бежать, а ты спал, – с обидой сказала Надя.

– Но все обошлось? – выкрикнул он.

– Слава Богу, да, иначе не знаю, что и было бы.

– Понятно, – с грустью сказал Жан, – а отцу, зачем рас-
сказала?

– Отцу, – удивленно воскликнула девушка.

– Ну да, теперь я безработный и с большим фонарем под
глазом.

– Я не говорила, – ответила она, – это, – замолкла она, не

досказав начинаемого предложения. Надя все поняла, Игорь не остался безучастным, и от досады чуть не разревелась. – Мы еще увидимся, – волнительно выплеснула она.

– Ты извини красивая, но с самого начала у нас все чего-то не заладилось, по этому, дабы не раздражать твоего отца, нам лучше поменьше видеться, а лучше и вообще не встречаться. Так что прости, и все-таки прощай.

Надя хотела было что-то сказать, но Жан прервал разговор. Она Грузно упала на свою кровать и расплакалась в ту же подушку, в которую ревела совсем недавно. – Зачем Игорь, зачем, – повторяла она вновь и вновь, поминая Игоря разнообразными лихими словами. Она дернулась к телефону, дабы набрать Жану, но что-то остановило ее. Не понимая того, что Жан ее просто не любит, она винила Игоря и себя за горькое расставание, но понять нелюбовь, не могла.

Глава 5

Теперь Жан был безработным. Квартиру та он выкупил, а вот за машину, нужно было выплатить еще не малую сумму кредита. Поиски работы, не приносили ни каких результатов, а за кредит платить было нужно. Он не мог продать автомобиль, так как без него попросту лишится того шарма, которым обладает имея этот кар. Пришлось продать квартиру. Половина денег ушло на погашение всего кредита за авто, а половина осталась. – Что с оставшимися деньгами де-

лать, – спрашивал он себя, и пришел к выводу, что пушай пока лежат. Найдет работу, добавит малость денег к тем имеющимся, и восстановит свое былое положение.

Но беда, как известно, не приходит одна. Спустя несколько недель, на высокой скорости, будучи не трезвым, Жан протаранил шикарный джип и отдал оставшуюся сумму денег за его ремонт. Его лишили водительских прав, отправили в больницу со сломанной ногой, а любимый автомобиль, уже не подлежал ремонту. В общем, Жан остался без машины, без квартиры, и без денег, а сломанная нога, дополняла так сказать череду его несчастий.

– Как жить дальше? – спрашивал он у себя, лежа в душевной больничной палате. – Ну ни чего, – успокаивал он сам себя, – еще не вечер. А в глазах томила тоска, здоровенный ком подкатывал к горлу, и очень хотелось закурить. Но и с сигаретами облом, курить в палате запрещалось. Лишь по ночам, когда врачи почти не тревожили бедных больных, Жан с удовольствием и облегчением закуривал.

Соседи по палате, не редко раздражали его, задавая вроде простые, но ужасно банальные вопросы. – Что, да как, – спрашивали они, на что Жан им отвечал, – обычно!!! Как, как? Бывает такое.

Его навещали друзья, мама с отцом, Надя приходила, чуть ли не по два раза в день, а той, которую он более всего ждал, то есть Вику, не было.

Все планы коту под хвост, а ведь он уже столько перепла-

нировал. Теперь начинать все с нуля, – тьфу ты, – гневался Жан на себя, а потом так же успокаивал сам себя, словно в нем жили два разных человека. – Но ни чего, – вновь говорил себе, главное жив, по-прежнему здоров и силен! Все приложиться, – повторял сказанные фразы его посетителей. А в душе скреблись кошки. – Надо же так, – спрашивал себя иногда вновь, – всегда был фартовым, словно Бог, а тут....

Но, ни все было так плохо, и в больнице оказывается, тоже можно было жить. Больница в какой-то момент стала напоминать комедийную комнату, где все без умолку ржут.

Видимо преодолевая душевный кризис и прогоняя дурные мысли, больные устраивали себе вечера смеха, а то и дни. Был даже такой паренек Саша, который не хотел уходить после выписки, так как больно уж весело было в палате. – Ладно, – сказал полноватый паренек с добрыми серыми глазами, – анекдот на посошок, и я пошел. Он еще не успел открыть рот, а вся палата уже раскрыв рты, готовилась залиться смехом. – Короче, – продолжил Саша, – Едет как-то автобус из одного поселка в другой, а в салоне пьяный мужик спит. На каждой кочке его сон прерывается, после чего он кричит шаферу – кондом! Не дрова везешь! После подобных реплик, которых было не менее пяти или шести, шафер движимый гневом тормозит свой автобус и, хватая монтировку, забегает в салон своего автобуса, дабы покарать обидчика. Наперерез шаферу выбегает бабушка, и говорит: уважаемый кондом, вы же трезвый, а этот пьяница, нехай болтает. – Па-

лата зааплодировала.

В один из субботних вечеров, привезли деда, с переломанным бедром. Не высокий, худой, беззубый, с булькающим кашлем, он смотрел на всех испуганным взглядом. Дед Мазай прозвали его почему-то, вроде ни какого сходство с известным сказочным персонажем... ну да и ладно. Дед по всей видимости уже страдал старческим маразмом, и оттого выдавал такие фортеля, что ни каких анекдотов не надо было. Как то среди ночи, палату наполнил дикий крик, словно где-то в палате, включили хрипящую сирену, или кому-то нечаянно прищемили мошонку дверью. Сбежались врачи, а дед на них смотрел глазами новорожденного младенца, и улыбался. Паника была на все отделение, а оказалось, дед решил юморнуть таким образом. Просто до этого дед слышал, как больные друг другу травили анекдоты и громко смеялись, а дед ни как не мог вспомнить даже самый плохенький анекдот, дабы влиться в веселую компанию. Так вот он лежал и вспоминал, и не заметил, как все уснули. Видимо так и не вспомнив ни одного анекдота, дед решил насмешить всех подобным фортеlem, и ему это удалось. Только вот врачи были дико злые, а больные заливались смехом, после ужасающего пробуждения.

Деду предстояла операция. Ему в бедро, дабы устранить перелом, собирались вставить титановую пластину. Вошла санитарка, важная, словно первая леди страны, с умным видом интересовалась о самочувствии больных. Новички ду-

мали, что она врач, и охотно рассказывали ей про свои болячки, а оказалась, она не доктор. Прямо конфуз.

Санитарка Роза была круче всех. Вредная, важная, злобная, полная, угрюмая брюнетка, но ей не повезло, в тот день она работала с дедом, с веселым прозвищем Мазай. – Ну что дед, – как всегда важно сказала она, – будем бриться. – О, это хорошо, – весело ответил дедушка, хлопая колючую щетину на лице. Но Роза отчего-то к лицу и не прикоснулась, а напрямик залезла деду в интимные места, и давай елозить там бритвой.

– Ты что!!! – застыл дед в оцепенении, – иди н... отсюда!!!

– Лежи, – малоприятным скрипучим голосом пробурчала та.

Дед не стал терпеть подобной срамоты, и тогда палата, вновь озарилась оглушающим, раздражающим хрипучим голосом. Больные как всегда оценили находчивость деда, и поддержали его воодушевленным смехом.

Роза стрельнула глазами в больных, и палата замерла.

Маты и крик, ругань и вой, не остановили нахальную Розу, она продолжала нахально сбривать все то, что судя по лицу деда, было ему очень дорого. Тогда, дед применил свое главное оружие – газовая атака. Он серонул так, что Роза шуганулась и рванула из палаты как антилопа гну, увидавшая льва в последний момент, пришедшего по ее душу. Вскоре и больные повыскакивали вон, а те, кто в силу обстоятельств не могли встать и выйти, причитали: ты что дед?! Да что ты

ел такое?! Да что за вонь?!

И хоть дед был веселым малым, жизнь его оказалась драматичной. Он часто с улыбкой вспоминал страну советов, но почти всю жизнь, с юности, провел в красных лагерях почитаемой им родины. Сидел за воровство, за драки, за мелкое хулиганство, и в завершении своей жизни, стал порицаемым и призраемым человеком. Жил один в какой-то конуре, в захолустной деревне. Маленькая пенсия, нуль уважения и почтения. Да и в больнице, где о его жизни ни кто не знал, относились почему-то без уважения даже к возрасту. Конечно, были настоящие люди, они не судили, и относились к нему ровно, как и ко всем, но таковых было мало.

И хотя дед был не единственной веселой историей того периода в жизни Жана, но пожалуй самой веселой историей из всех.

В травматологии, работала одна симпатичная мед сестричка Ася, синеглазая шатенка, с ангельской улыбкой. Когда она входила в палату, мужчины, в особенности молодые, приходили в экстаз, засыпая ее многочисленными вопросами. Она всем, улыбаясь, отвечала на каждый заданный вопрос, и казалась просто ангелом в белом халате. Один из больных, Кирилл, полноватый мордатый восемнадцати летний мальчуган, даже собирался признаться ей в любви, но после того как она поставила ему клизму, передумал.

Помимо веселых историй, были и свои драмы. Один мужчина, Егор Егорович, пахарь со стажем, комбайнер, умер по-

сле короткого пребывания в больнице. Как-то поленившись воспользоваться лестницей комбайна, он спрыгнул с него, и угадил прямо на торчащий из земли лом. Лом вошел прямо между его ног на двадцать-тридцать сантиметров, и он умирал мучительно и страшно, было больно смотреть на него, как он стонал от боли, кричал и корчился.

Так же, в соседней женской палате лежала девушка, красивая, с кротким зеленым взглядом. Пухлые губки, аккуратный красивый носик, длинные светлые волосы. Она смотрела на мир потухшим взором, а в глазах читалась непреодолимая боль. Ей ампутировали ногу после дорожно-транспортного происшествия, и теперь для нее жизнь словно кончилась. О чем она думала одному Богу известно, но судя по лицу, ей было очень страшно теперь жить.

До ампутации, она собиралась замуж, мечтала о крепкой семье и о детях, но не внимательный вдатый водила, на высокой скорости вылетел с проезжей части, и врезался прямо в трехступенчатую бетонную лестницу маленького магазина. На той лестнице, то есть на крылечке, сидела девушка, ей срезало ногу мгновенно, и это было действительно страшно. Не внимательный водитель грозился, что готов платить миллионы, но к чему миллионы, когда такое несчастье. Ведь она вполне могла стать моделью, актрисой, певицей или женой того парня, который отказался от нее впоследствии.

После выписки из больницы, Жан вернулся домой. Родные стены приветствовали его радушно и тепло, мать, милая и добрая, но не много усталая от серой и суровой реальности женщина, наготовила котлет и пирожков. Ее серые и усталые глаза смотрели на сына с любовью, а отец, очень похожий на самого Жана, не редко попрекал сына, за его бестолковость, ну и за бесшабашность в целом.

Родители Жана жили в старенькой двухкомнатной квартире. Не богатые родители редко видели Жана тогда, когда у него все было хорошо, а теперь, они стали в его жизни тем самым причалом, куда он смог причалить и передохнуть, дабы набраться сил, и вновь отправиться в нелегкое плавание.

Окончательно окрепнув и восстановив силы, Жан приступил вновь к нереализованным планам. Искал работу, но как назло, ни чего подходящего найти не мог. Работать дворником или грузчиком за копейки не желал, а других, подходящих вакансий, словно и не было. Будто заколдованный, Жан четко искал работу, но тут, старый друг Иван, предложил ему не совсем подходящее место, но прибыльное.

Ко времени, Иван открыл ночной клуб. Он долго к этому стремился, и вот, молчаливо вынашиваемая им мечта, сбылась.

Иван предложил Жану работу стриптизера. Жан в первые минуты разговора рассмеялся, но глядя на серьезный вид друга, понял, что он не шутит. Он послал Ивана, куда по-

дальше, а впоследствии, ни нашел иного выхода, и согласился.

Чума! Жан и в страшных снах не представлял подобного рода вида деятельности, а потом пошли деньги. Женщины, молодые и не очень, покупали его, словно вещь, будто куклу на распродаже. И он ни кому не отказывал, удовлетворял всех. Приходила однажды и Вика. Она была в шоке. Ее округлившиеся и выпученные глаза, с завистью смотрели на тех, кто оплачивал ночь с этим юным Казановой. – Путанаты!!! – Выкрикнула она однажды ему, – шлюха! – Сказала она с обидой, и более не появлялась, в этом злачном месте. А Жан вошел во вкус, и как-то, теплым летним вечером, в ночной клуб "Сияние Звезд", который открыл Иван, вошла женщина бальзаковского возраста. Модная, дорогая, и неизменно денежная.

Алина, вдова старого олигарха, в прошлом коллега Жана. Ее несметное состояние исчислялось миллиардами, а вот личная жизнь, мерилась ромом и водкой и, одиночеством. Очень красивая и стройная, сероглазая блондинка с пухлыми губами, видимо приобретенными на столе пластического хирурга, стала большой поклонницей Жана. Сперва она просто покупала его не дешевые ночи, а потом, ведомая порывами ревности, предложила ему сделку. "Он спит только с ней и бросает этот порочный бизнес, а она хорошо ему платит". И что делать? Жан безусловно подписался, под этим

выгодным устным контрактом.

Не сказать, что у Алины не было поклонников, просто приобретя свое состояние, Алина приобрела и комплекс, будто бы все, лишь охотятся за ее состоянием. С Жаном же, было все просто. Во-первых: она страстно желала его; а во-вторых: она точно знала, во сколько ей это может обойтись.

Когда-то она и сама обрела свое состояние подобным способом. Старый и бездетный олигарх купил ее, как и она Жанна сейчас, а через лет пять, женился. Вскоре, не прошло и пары лет, старый олигарх дал дубу, ну и билет в высший свет Алине. Алина из золушки, превратилась в не молодую, одинокую принцессу, выпивающую в одиночестве.

Жан словно выиграл в лотерею. Жизнь настолько круто изменилась, что порой не хватало дыхания, дабы поспевать за переменами. Лондон, Париж, Берлин, подобные города стали, словно загородной дачей, куда он ездил, чуть ли не каждую неделю. Дорогие шмотки, машины и дома, приемы, чуть ли ни у самого президента, все это вскружило голову. Он будто во сне попал в сказку, и ужасно боялся проснуться. Однажды он сказал Ивану, за частной беседой:

– Знаешь брат, я сам не верю в такую удачу. Просыпаюсь утром и думаю, не сон ли это все. Отчего это произошло со мной? Да и со мной ли это все происходит?

– Да дружбан, – ответил ему Иван, – завидую я тебе, мне такое вряд ли обломиться. А Надя, – спросил он украдкой.

– А что Надя?

– Помнишь, когда ты еще танцевал здесь в клубе, она приходила. Стояла в сторонке и плакала. Я вот последнее время часто думаю, ведь так или иначе я виноват в том, что ты с ней расстался. Так бы может, женился на ней, и была она бы тебе шикарной женой, верной, преданной, а главное любящей. Позавидовал я тебе тогда, ты уж прости, – признался Иван, – и сейчас сука завидую, – сквозь смех выдал он.

Жан рассмеялся. – Любит, говоришь? – переспросил.

– О, да, еще как любит. Она просто сохнет, даже сгорает по тебе.

– А я по Вики, – грустно ответил Жан.

– Да забил бы ты на нее, – вспыхнул Иван, – Мамонова поклонница! Сучка она.

– Я бы тебе врезал Ибук, – перебил его Жан.

– Не умеешь ты ценить нужных женщин Жан, – констатировал Иван, – все тебе финтифлюшки по душе, а жизнь она проходит. Вот сколько ты думаешь дурачится с Алиной? Не знаешь. Правильно, – назидательно говорил он, – поэтому пока не поздно, продумай наперед несколько шагов, ибо фарт имеет, как начало, так и конец. Поверь старому татарину Ибуку братишка, – посмеиваясь, произнес Иван.

Глава 7

Уже более двух лет прошли, как Надя рассталась с Жаном, а в душе, не угасало чувство к нему. Она пробовала встре-

чатся с Женей, дабы постараться забыть Жана, но все четко. По сей день, она не могла простить Игорю, что он разболтал все отцу, и все ждала и плакала. Она жила своею обычною жизнью, общалась с подругами и улыбалась, ходила в клубы и рестораны, но в душе, творилось что-то, что не давало покоя, ни днем, ни ночью. Любовь томила ее, и если любовь, как и физическую боль, можно было прочувствовать, ни душой, а телом, то Надежда бы изливалась стонами.

Чем больше она думала о Жане, тем более становилась неприступной. Армия ее поклонников увеличивалась, глядя на ее неприступность, видимо, ведь каждому хотелось иметь такую девушку, которая очень долго умеет любить, а главное хранить верность и не забывать. Многие, и даже Ибук, хотели бы быть любимыми такой девушкой, кроме одного Жана. Он продолжал любить свою Вику, которой, по сути, и не нужен был вовсе, и удовлетворять похоть Алины.

Надя, получив одно высшее образование, поступила еще, дабы получить второе, за тем третье. Устроилась в университет преподавателем истории, и как говориться, посвятила себя науке. Может у нее венец безбрачия, делали некоторые свое предположение, но видя то, как она бесцеремонно отшивала многих ухажеров, разводили руками.

Надя по натуре, видимо была китом, потому-то была способна любить неимоверно долго, а по физике своего тела, была дельфином. С каждым годом, она становилась все прекрасней, чудесней. Стройная, умная, милая и общительная,

идеал, который замечали все, кроме одного Жана. Она же, не желала ни кого, кроме опять же, своего Жана. – Боже, – порой взывая к небу, говорила она, – почему, почему я не могу забыть его? Не дай мне Господи сойти сума, позволь забыть его, позволь не думать о нем, – но небо оставалось молчаливым.

На высоких каблуках, в юбке до колен, в строгом пиджаке и в очках для зрения, Надя смотрелась очень привлекательно. Со зрением было все в порядке, просто очки были неким атрибутом образа педагога. Улыбчивая девушка очень нравилась студентам. Добрая, ласковая, справедливая. Активистка, во всех смыслах этого слова, погруженная в работу с головой.

У себя на столе, она как-то нашла письмо. Один из студентов признавался ей в любви, и просил о свидании. – Чье это письмо, – спросила она. Ни кто не ответил. – Понятно, – произнесла Надежда.

– Мое, – послышался голос с глубины аудитории. На нее смотрел слегка испуганный Савелий Ремизов. Высокий коренастый парень, с широкими плечами. Кареглазый шатен, со спортивной фигурой, имеющий разряд по дзюдо. Савелий почти по всем предметам имел неудовлетворительные оценки, по истории же, которую вела Надежда, отлично.

Савелий, студент второго курса, влюбился в надежду с первого взгляда. С той самой первой встречи, когда посту-

пил на исторический факультет. С той минуты, из-за дня в день пытался признаться ей в любви, но что-то удерживало его. И вот, когда он, наконец, это сделал, она осталась равнодушной. Лишь спросила: чье это письмо? И ни какой тебе улыбки, восторга или ликования, или гневных замечаний, криков. Абсолютно спокойное, отрешенное лицо, без единой мимической перемены. Это расстроило парня.

После пар, когда она осталась одна в аудитории, он подошел к ней.

– Надежда Антоновна, вы ни чего не хотите мне сказать, – робко произнес он.

– Что именно, – опустив на нос очки, взглянула она.

– Ну, – замялся он, – я же вам как бы в любви признался.

– Так как бы, или признался, – без единой эмоции, спросила она, что-то записывая в журнале.

– Все понятно, – с обидой бросил парень.

– Что именно, – продолжая писать в журнале, сказала Надя.

– Вы уже задавали этот вопрос, – с обидой произнес он, и ушел.

С тех пор, он более не появлялся в университете. И вот, Надя, чувствуя свою вину, взяла у ребят номер его телефона, и позвонила ему.

– Здравствуйте, – послышался смущенный голос парня.

– Привет Сава. Как дела?

– Да нормально, – ответил он.

– Могу ли я узнать причину, почему ты не приходишь на занятия?

Савелий стал придумывать тысячи оправданий, а ту истинную причину, не решался произнести.

– Если вдруг я, стала каким-то образом одной из твоих причин, я бы хотела попросить у тебя прощения, – сказала ему Надежда. Савелий стал отмазываться, мол, нет, да вы что, но Надя продолжила говорить. – Знаешь дорогой Сава, врать тебе я не хочу и не буду, а скажу тебе честно. У меня есть парень, которого я люблю, а он, к сожалению, давно забыл обо мне, и мы давно расстались. Я все еще люблю его, а любить другого, не могу, видимо не научилась. Так что ты прости, и приходи, пожалуйста, на учебу.

– Я приду, – ответил Сава.

С тех пор, Сава и Надежда стали лучшими друзьями, вне учебного заведения конечно. Надя подтянула его по всем предметам, и тот стал учиться хорошо, а он, стал для нее некой крышей. Ни кто не смел, выражаться о Наде плохо, ни за глаза, ни уж тем более в лицо, так как мог после не оправдано глупых слов, иметь дело с Савой. Мало кто желал сориться с ним.

Они гуляли вечерами, сидели в кафе, ходили в кино. Ей было интересно с ним, и время пролетало не заметно, а он, с каждым разом дивясь ее не прогибаемым долготерпением в любви, с удовольствием развлекал девушку. Водил ее на танцы и вечеринки, в душе конечно надеясь, когда-нибудь,

отвоевать ее сердце.

Глава 8

Игорь сидел у окна, и потягивал горячий чай с печеньями. На работе все шло лучше, чем отлично, в жизни тоже, а вот на любовном фронте, запустенье. Вика вроде была уже не так холодна, но равнодушие к нему, тем не менее, чувствовалось. – Может зря я на ней женился, – мелькала мысль в голове. Он иногда думал о разводе, но всегда гнал от себя подобные мысли.

Вика словно чуя что-то не ладное, оставив модный женский журнал, подошла к нему и села ему на колени. – Что-то случилось? – Приголубливая его как ребенка, спросила она.

– Может нам стоит развестись? – С иронией бросил Игорь.

– С чего такие мысли, – насторожилась Вика.

– Ведь ты же меня не любишь. Мы с тобой уже не один год вместе, а ты все становишься холодней ко мне. Если честно я устал ждать. Когда-то я думал, что все же смогу, стать тебе любимым мужем, а теперь, я отчаялся. Ты даже не хочешь заводить со мной детей, хотя знаешь, как я хочу малыша. По этому, к чему нам с тобой терять время вместе, может врозь, мы станем счастливее. Первое время, я готов буду тебе помогать, а после, станешь на ноги и найдешь себе того, кого сможешь по-настоящему любить.

С чего ты взял, что я к тебе холодна, – положив голову

ему на плечо, спросила девушка, и не дожидаясь ответа сказала, – а хочешь хорошую новость?

– Хорошую, – улыбнулся Игорь.

– Думаю да.

– Тогда давай, – более оптимистично произнес он.

– Я ни давно узнала, что у нас будет малыш, – растянула последнюю фразу Вика. – Мальчик, или девочка. Хотя есть вероятность, что и мальчик, и девочка. Видимо у нас будет двойня.

Плохое настроение Игоря, сменилось невероятным ликованием. – Двойня, – выкрикнул он, что аж Вика подпрыгнула у него на руках. – А я то, думаю, что это тебя так разбарабанило, но не волнуйся, чем больше ты станешь, тем сильнее я буду любить тебя, а подарить мне двойню, сделаю тебя королевой, – чуть ли, не выкрикнул он, а Вика, саркастически улыбнулась.

О беременности, Вика узнала несколько дней назад. Хотела сделать аборт, но по всей видимости, было уже поздно. Слишком большой был срок. Можно было избавиться от плода, но существовала угроза здоровью, и она могла остаться бесплодной, после подобного вмешательства. Вика побоялась.

С беременностью Виктории, жизнь Игоря изменилось в худшую сторону. Вика стала невыносимой, но надо отдать должное ее супругу, ведь он с такой стойкостью и самопожертвованием переносил все тяготы и ее капризы. Склады-

валось впечатление, что ему было плевать на ее капризы, я имею ввиду капризы его ни сколько не задевали. Все о чем он думал, это будущие малыши. Он был на седьмом небе от счастья, ликовал и днем и ночью, во сне и на иву. Подбирал имена, накопил того, что надо и не надо, а главное был заботлив и нежен.

Зимой, на день святого Валентина, у него родилась девочка Ангелина, а следом мальчик Валентин. – Я богат, – вскрикнул он от переизбытка эмоций, на всю больницу. – Я богат, – повторял он вновь и вновь.

Антон Сергеевич и Инна Егоровна были рядом с ним, так же, рядом стояла и Надя. Антон Сергеевич обнял его и заметил, что Игорь прослезился. – Ты это чего? – спросил он. – Я уже думал, не дождусь, – ответил Игорь, смахнув слезу радости на своей щеке.

Глава 9

В своем шикарном кабинете, сидел Жан. За дубовым столом, в большом комфортном черном кресле. Дорогой черный костюм, черная рубашка, толстая золотая цепь на шее, дорогие часы на руке, несколько золотых колец на пальцах, блестящие черные туфли. Он производил впечатление самого успешного человека на земле, некий рекламный бренд успеха – молодость, красота, деньги и положение. Со стороны, можно было подумать, что Жан думает о смысле жизни.

Мол, всего достиг, все успел, что же делать далее? Но Жан думал о Вике. Все рухнуло с рождением ее малюток. Мечты, надежды. Ни то что бы он не желал быть с ней, когда у нее теперь дети, просто Жан ни когда бы ни лишил детишек отца, так как считал, что семья должна быть полной, а отец и мать, родными. Вот и грустил парень.

Вскоре, он решил посвятить себя чему-то высокому. Алина настолько была без ума от него, что могла позволить ему проиграть все свое состояние в один вечер, оттого-то Жан и не испытывал финансовых ограничений. К тому же, Жан все-таки был довольно сообразительным человеком, и состояние Алины не убывало в бороздах его правления, а наоборот, умножалось. Появились новые деловые связи, идеи, в купе вышло нечто разумное, но это не приносило ни чего, кроме денег. В связи с этим, он решил открыть благотворительный фонд "Алина – мы есть, и мы рядом", эта идея, показалась наиболее полезной, из всех его остальных идей.

Фонд помогал людям, которым для счастья не хватало некой энной суммы денег, а точнее, детям, нуждающимся в дорогих операциях, взрослым. В общем, всем тем, кто нуждался в деньгах, дабы жить.

Работы было ужасно много, а страждущих, оказалось еще больше. В фонд обращались не только Россияне, но и жители СНГ, жители дальнего зарубежья. Всем приходилось помогать. Постепенно, привлеченные средствами массовой информации, в фонд вливались новые головокружительные

средства. Желающих помочь оказалось не меньше, что очень удивило, но и при этом радовало Жана.

Он создал свою телепередачу, на одном из авторитетных каналов. Вел ее сам, и стал так сказать звездой, почти мирового масштаба. Он взобрался на вершину в несколько шагов, чем не только удивил, но и покориł многих.

Выступления на телевидении, встречи с разнообразными известными людьми, со звездами различных масштабов, все это настолько окружило и поглотило его, что он стал тонуть в этой пучине. Бесконечные возвеличивающие речи, громкие фразы в его адрес, подобная жизнь, позволяет наивно почувствовать себя Богом. Появилось не прогоняемая мысль, что он на вершине мира, а мир, поклоняется только ему.

Родители не могли с ним связаться, не могли к нему обратиться, хотя они и не были настойчивы. По какой-то человеческой, не объяснимой натуре, он будто забыл о них, ведь теперь он был нужен всем, и пойдй и найди время для близких людей. Но это, конечно не оправдание.

Жан сдвинул с места огромный локомотив, который поехал, и теперь сложно было его остановить.

Алина грустила, Жан все меньше и меньше был с ней, а мысль о том, что Жан возможно и без ее денег может справиться, загоняла ее в бутылку. Единственное что его удерживало, казалось ей, это деньги, но и они теряли свою силу. Она устраивала ему сцены ревности, закатывала скандалы по любому поводу, и постоянно повторяла, – не бросай! Те-

перь, она частично понимала своего бывшего мужа, старого олигарха, понимала то, как сложно жить с мыслью, – что ты еще нужен кому-то только по тому, что у тебя есть деньги. Это было невыносимо.

Алина вспомнила свою давнюю любовь – Васю Синицына. Признаться, она его не особо и любила, просто было время, когда она всерьез желала выйти за него. Да все по тому, что когда-то, по окончании технического училища, она вдруг жутко захотела замуж. Желающих взять ее, оказалось не много, а точнее, желающим оказался только Вася. Алина сама вынудила его предложить ей руку и сердце, а потом, сама и сбежала из-под венца.

Вася в свое время, окончив техническое училище, работал крановщиком на строительном предприятии. Должность может для кого и не весьма солидная, но нужная и правильная. Хорошая зарплата, достойное предприятие, живи и радуйся, но Алину не устроило.

Васю ни кто и ни когда не считал писанным красавцем или мужчиной в стиле "аля Франкенштейн", в котором что-то да было, потому что все хотят говорить о нем. Совершенно обычный парень, не особо умеющий шутить, красноречиво говорить, и заманивать, даже при помощи искусства пикапа, в свои сети женщин. Худощавый парень с зелеными глазами, большие, не пропорциональные телу руки, короткие ноги, и слегка раздражающий, своею громкостью, смех. Иногда казалось, что Вася подходя к девушке, говорил: слышь,

чета Юля и Катя, и даже Сима, отказались крутить со мною роман, и я подумал, ты та точно должна согласиться. Давай крутить роман а....

Думаю можно уловить истинную причину побега из-под венца, видимо потому Алина тогда сбежала и променяла Васю на стрип клуб. Она мечтала о Бонде, а попался дядя Вася. Вот и убегла в страхе красно девица, всерьез решив, что Бонд еще впереди, и тогда когда она его встретит, он может пройти мимо, так как она будет занята.

Кто сказал, что мечты не сбываются? Мечты всегда сбываются, и у Алины мечта сбылась. Она была состоятельна словно королева, и мужчина ее мечты был рядом, то есть Жан, но все это, было не то почему-то. Оказалась невыносимой любовь Бонда. Он не щадит чужие чувства, и не потому, что он плохой. Просто трудно думать о ближнем, когда все время думаешь о себе.

Иногда Алина представляла себя в роли жены Василия. Она кормит уже почти взрослых детей, а Вася, придя с работы с перегаром, извиняется перед ней, потому, что обещал более не пить. Он заискивает перед ней, целует, и по глазам видно, любит. В конце концов, она прощает его, и усаживает его за стол, в виде одолжения. – Ни в этом ли счастье? – Часто спрашивала себя Алина, после подобных мечтательных размышлений и, накатив еще стакан, с жалостью говорила себе, – а у меня даже, детей нет.

Она бы конечно могла попытаться найти себе дядю Васю,

но кто даст теперь гарантию, что дядя Вася не окажется мистером Альфонсе, да и Жана она теперь так любила, что отдавала ему любовь еще и как бы материнскую. А Вася, по-ди нашел себе кикимору ворчливую, но да боли родную и любимую. Детишки небось уже взрослые, а он является до-бытчиком, хозяином в семье. Усатый, с залысиной на голове, маленький и толстый, счастливый как Бог, истинный хозяин жизни, хотя, может и не понимает этого.

По приезду домой, Жан все пытался сказать Алине о том, что он уходит. Это оказалось не простой задачей, не такой простой, как ему думалось. Алина как всегда была пьяна, и устроила ему настоящую экзекуцию. – Ты даже не ценишь того, что я сделала для тебя, – кричала она в бешенстве. – Вот где ты столько времени пропадал? Окучивал очередную щлюху?

– Я в душ, – ответил он, не желая вести бессмысленный треп.

Алина немного успокоившись, взяла в руки его пиджак, который Жан оставил на диване. Она поднесла его к лицу, и жадно впитывала его аромат. Даже от запаха она сходила сума, а мысль, что какая-то другая женщина была рядом с ним, обнимала его, прижималась, когда он был в этом пиджаке, сводила сума. Она достала с кармана его телефон, и шокировала себя просмотренным видео в нем. Какая-то не известная ей Мария, снимала его спящим. Он лежал голый, прикрытый тоненькой простыней, и улыбался во сне, а Ма-

рия, просила позвонить, после просмотра видео. Из сказанного Марией, Алина поняла, что Мария не просто малознакомая Жану девушка, а та, с которой у него что-то было и, по всей видимости, что-то серьезное. – Я убью тебя, – прошипела Алина. Она достала из сейфа пистолет, что принадлежал еще старому олигарху, и направилась в душ.

– Мария, Мария, Мария, – напевал Жан с довольной рожей, смывая под душем шампунь с головы.

– Кто такая Мария, – вскрикнула Алина, направляя на него пистолет.

– Кто, кто?! Девушка, на которой я женюсь, – резко ответил Жан. Он открыл глаза и вздрогнул, увидев разъяренную Алину с пистолетом.

– Я убью тебя, – прошипела она.

– Тишь, тишь, тишь, – повторял Жан, приближаясь к ней. Не делая резких движений, он с осторожностью взял с ее рук пистолет и, оставив его на полу в душе, вывел Алину на балкон, – тебе надо глотнуть свежего воздуха, вон как тебя трясет от выпитого алкоголя. Пообещай мне, что бросишь пить, – сказал он.

– Меня трясет не от алкоголя, а от твоей Марии. Кто она такая?! – Истерично вскрикнула Алина.

– Хорошо милая, – проскрежетал Жан, – видимо иначе ничего не получится, придется быть с тобой честным. Мария – это девушка, на которой я хочу жениться. У нас с тобой все равно ничего не получится, по этому, зачем мы мучаем

друг друга....

А Надя, не меньше думала о Жане, и Жан часто посещал ее мысли. Встречи с Савой, в последнее время стали перерастать в нечто большее, чем просто дружба. Любила ли она его? Она и сама не знала. Жан для нее был настолько дорогим человеком, что теперь она словно перегорела ко всему. Ничего не было важного. Мир стал пустошью, и его хотелось наполнить чем-либо, лишь бы освободиться от этой пустоты. – Может завести ребеночка, – посещала подобная мысль, – а что, Сава бы стал прекрасным отцом, тем более он сам к этому стремился. – Но нет, – отвечала она себе, – я дождусь Жана! – Любовь некогда маленькой, хрупкой девочки, переросла в паранойю, и было чувство, что она сходит сума. Всегда сложнее всего ждать. Ждать того кто идет к тебе, это невыносимо трудно, а ждать уходящего навсегда, когда знаешь, что он более не придет, но все равно ждешь и надеешься – это пытка. Вот и Надя ждала того, кто и не думал возвращаться. Уходя он не оставил ей надежд, но она все равно ждала. Не выдержав подобного напряжения, девушка испытала нервный срыв, и в безумии своем, впала в молчание. В больнице, куда ее привезли, родственников обнадежили тем, что подобные вещи случаются, обещали помочь, но это мало успокаивало, любящих ее родных.

Проснувшись, Надя обнаружила себя в совершенно незнакомом месте. Вокруг ходили люди, не знакомые, чужие,

будто смеясь над ней, все взоры были устремлены на нее. – Где я? – С испугом пронеслось в голове. – Что я тут делаю? – Не в силах ответить на свои вопросы, девушка пошла по длинному коридору. Люди, проходящие мимо, смотрели на нее. Один смотрел с безумием, другой с испугом, третий с насмешкой! Все были чужими! В голове вертелись фразы: ты сказал! Я сказала! Я сказала! Ты сказал! Словно скороговорка, эти фразы зависли в голове, и так рвались на язык, что их было сложно сдерживать в себе. В душе творилось что-то безумное. Необъяснимая боль, сковала сердце, разум и душу. Хотелось домой, до слез хотелось увидеть маму, отца, дабы они прижали ее к себе. Она боялась открыть рот, дабы сказать что угодно. Это было отчего-то, страшно, невыносимо.

Постепенно, Надя стала понимать, где она, и осознание того, было еще страшней. Длинный коридор, дверь в конце которого, казалось, охранялась вроде секретного военного объекта. Санитары, измученные безумием больных, сами казались безумными. Невольно появлялась мысль: мне ни когда не выбраться с этого места. От этого страх усиливался, а на глаза наворачивались слезы. Крупные, словно бусинки слезы, с болью выходили с ее глаз, заставляя хныкать и стонать. Это был словно ад, любовь, порожденная безумием, или безумие, порожденная любовью, заполонила не только эти стены, но и весь мир как Буд-то.